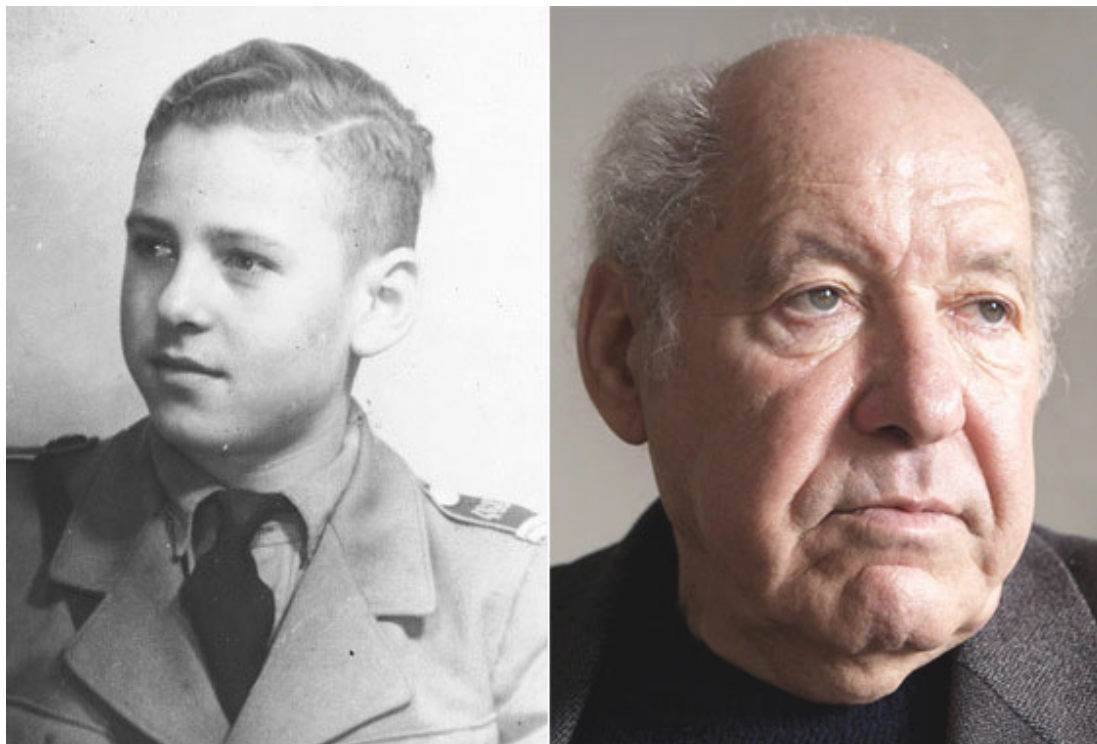

Я не хотел быть героем. Я был антигероем

Соломон Перель в 1942-м и сегодня

6-летний еврей Соломон Перель в 1941 году в Минске попал в плен к фашистам, но сумел убедить их, что он — этнический немец. Позднее он вступил в гитлерюгенд, был переводчиком на фронте; работал на первом допросе попавшего к немцам сына Иосифа Сталина — Якова Джугашвили. В своей только что изданной на русском книге Перель рассказывает, что поверил в расовую теорию: он то ненавидел себя за происхождение, то признавался в нем, подвергая свою жизнь опасности.

— Как вы столкнулись с фашистами и остались в живых?

— Я родился в Германии, а когда Гитлер пришел к власти, моя семья уехала в Лодзь. Когда Гитлер напал на Польшу, в Лодзи решили организовать гетто. Мне было 14 лет, а моему брату Исааку — 30. Мама сказала, что родила нас, чтобы мы жили, и родители отправили нас на восток, в СССР. Отец же сказал

на прощание: «Не забывай, кто ты. Что бы ни случилось, помни, что ты еврей и должен верить в своего бога».

Советская администрация отправила меня в детский дом в Гродно, а брат поехал дальше — в Вильнюс. В 1941 году Гитлер напал на Советский Союз, я бежал в Минск, но он уже был окружен и пришлось проходить проверку... Когда подошла моя очередь, немецкий солдат спросил меня: еврей ли я. Было понятно, что если я признаюсь, то буду расстрелян через пять минут. И я стал решать, к чьим словам прислушаться — отца или матери, предать своего бога или остаться жить. Посыл отца я не исполнил, сказал, что я volksdeutsche — этнический немец. Мне повезло, и солдат поверил мне.

По инструкции он должен был снять с меня штаны и проверить, не обрезан ли я. Но я очень хорошо говорил по-немецки. Когда мы встретились после войны, он сказал, что внутренний голос сказал ему мне верить. С этого момента началась моя другая жизнь.

Сначала я стал переводчиком в немецкой армии, дошел до Москвы, был у Ленинграда. Один высокопоставленный немецкий офицер хотел меня после войны усыновить. Но так как Москва и Ленинград не были взяты, и наступила зима, он отправил меня в Германию, в школу гитлерюгенда.

Я сменил имя с Шломо на Йозеф, фамилию на Перьел — и попал в интернат, где и учился три с половиной года. Я начал ощущать себя настоящим гитлеровцем. Идентифицировал себя с нацистской идеологией, погрузился в эту жизнь. В душе у меня было раздвоение: с одной стороны, я был Шломо, а с другой — Йозеф. Но Йозеф был доминантным.

Я верил в победу нацизма, верил в расовую теорию и начал забывать, что я еврей. Это был защитный механизм. Всегда, когда кто-то начинал что-то подозревать, я сразу превращался в стопроцентного наци.

— ***Вы вскидывали руку в нацистском приветствии?***

— Да, я даже начинал сам себя ненавидеть за то, что я еврей.

— При этом вы дважды признавались немцам, что вы еврей — матери своей девушки и доктору.

— Да, Хайнц — полковой доктор — хотел меня изнасиловать, когда мы были в душе. Я начал обороняться, но он увидел, что я обрезан. «Юп, да ты еврей!», — воскликнул он. Я признался и начал плакать, и он меня не выдал. Ведь в свою очередь я узнал его тайну — он гомосексуалист. В Германии их тоже отправляли в концлагерь. Вскоре под Ленинградом он умер у меня на руках.

Еще я признался матери моей подруги Лени (она состояла в Союзе немецких девушек — фактически, гитлерюгенде для девочек). Ее мать меня как-то спросила: «Юп, скажи, ты настоящий немец?» До сих пор не знаю, что со мной случилось, — я признался, что еврей. Я тут же подумал, что все пропало, но она не выдала меня, а еще посоветовала не говорить дочери.

— Вы с Лени виделись после войны?

— Я недавно видел ее, она очень красивая бабушка и живет в Ванкувере. Я в 1945 году, после войны, жил у нее. Я ее спросил: «Помнишь ли ты, как мы однажды гуляли на лугу? Я хотел тебе тогда признаться, что я еврей. Как бы ты отреагировала?» Лени ответила: «Юп, хорошо, что ты мне не сказал, — я бы тебя сдала».

Лени хотела после войны выйти за меня замуж и уехать со мной в Израиль. Но я ей сказал, что, по-моему, как-то слишком рано ехать в Израиль с немецкой девушкой.

— Большинство историй евреев о Второй мировой войне — о Холокосте и его ужасах. Ваша история немного другая, но вы ездите по миру, чтобы ее рассказать. В чем ее мораль?

— Мораль такая: не надо жертвовать своей жизнью ради идеологии или религии. Да, мой папа сказал мне оставаться евреем, но ведь самое святое — это жизнь людей, а не религия.

В Израиле меня упрекали, что моя история аморальна, потому что я предал свою религию ради своей жизни. Но лучше аморально выжить, чем морально умереть. Чтобы спасти жизнь, можно иногда и соврать. Главное — не

сохранять себе жизнь ценой другой жизни.

Нельзя никого убивать. Я вот никого не убивал. Правда, мне было 16 лет, я не был солдатом, и у меня тогда не было оружия.

— Разве не религия сделала евреев теми, кто они есть, и позволила им сохранить себя как народ через столетия?

— Мне кажется, я действовал в рамках моей религии. Рамбам сказал, что право на жизнь выше всех остальных установлений.

— Почему вы не попытались вытащить своих родителей из гетто?

— Помочь родственникам было невозможно. Я специально ездил через гетто на трамвае, но там не было остановок, и выйти было нельзя. Я ездил не для того, чтобы их спасти — это было невозможно. Если бы даже я смог выйти, то куда мне было идти с отцом и матерью? В лес? В интернат гитлерюгенда? Я только хотел еще раз увидеть мать или даже, скорее, чтобы она меня увидела живым и могла бы умереть более счастливой.

— Не думали о том, чтобы нанести какой-то вред немцам?

Соломон в своей комнате, Мюнхен, 1947

— Нет, я никогда не планировал саботаж, убийство какого-то немца. Меня бы

тоже тогда убили. Я однажды видел Гитлера на фронте. Может, я бы мог его застрелить, но я об этом вообще не думал. Наверное, тогда вошел бы в историю золотыми буквами, но я просто хотел пережить Холокост.

Я не хотел быть героем. Я был антигероем, я хотел спасти свою жизнь, как мне сказала мать.

— Если вы антигерой, то ваша книга должна показать, как надо поступать или как не надо?

— Она говорит о том, как и что надо делать, чтобы сохранить жизнь, и как не стать жертвой пропаганды. Я был жертвой как нацистской, так и советской пропаганды — в детском доме в Гродно я стал настоящим пионером. Говорил, что религия — это опиум для народа. Потом я стал жертвой национал-социализма. Вообще, я пережил все идеологии XX века — социализм, коммунизм, фашизм, национал-социализм, сионизм, — и остался Соломоном.

— Если человека где-нибудь в Ираке захватили террористы, должен ли он соврать, что является мусульманином, процитировать Коран и вступить в ряды ИГИЛ?

— Если ему пригрозят расстрелом, то надо врать. Когда мне сказали, что надо присягнуть Гитлеру, я сделал это. Присяга ни к чему меня не обязывала. Это просто уловка, чтобы выжить. Я знал, что рано или поздно убегу. Когда я был на фронте, то четыре раза хотел перейти на русскую сторону. Не удалось. Советским солдатам я бы тоже сказал: «Я с вами». Я помогал советским пленным, давал им хлеб и колбасу, когда мог.

— Вы видели в плену сына Сталина Якова Джугашвили. Он вам чем-то запомнился?

— Да, я переводил на его допросе. Он был очень храбрым. Немцы хотели знать, где стоит артиллерия, но он не сказал.

— После войны вы воевали за Израиль. Там вы уже стреляли?

— Очень мало, потому что когда я приехал в августе 1948 года, война уже заканчивалась. Но вообще-то я не пацифист. И думаю, что если на тебя кто-то нападет, ты имеешь право обороняться. Я не Иисус Христос.

— То, что вас так и не разоблачили, это везение или ваше мастерство маскировки?

— В Израиле говорят, что бог везде, что он и в Освенциме был. Но как же тогда там уничтожили столько евреев? Мне, конечно, повезло, можно было бы сказать, что мне бог помог. Но если так, то почему он помог только мне?

Илья Азар

<https://meduza.io>

публикуется в сокращении